

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ

УДК 008

DOI: 10.24412/2070-075X-2021-2-7-15

В.Г. Торосян, Н.К. Тыма**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ В НОБЕЛЕВСКОМ ПАНТЕОНЕ:
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРИСУЖДЕННЫХ
И НЕПРИСУЖДЕННЫХ ПРЕМИЙ**

Столетний юбилей А.Д. Сахарова, выдающегося ученого и борца за мир, отмечаемый в мае 2021 г., вновь привлек внимание не только к сложной эволюции его гражданской позиции, но и к особенностям присуждения и неприсуждения Нобелевских премий в области как науки, так и литературы и миротворческой деятельности. В статье анализируются социокультурные, а в последнее время и отчетливо геополитические составляющие выдвижения претендентов и последующих решений Нобелевского комитета, буквально с первых лет учреждения премии. Эмпирическим материалом теоретического анализа послужила хронология Нобелевских премий в корреляции с социокультурными особенностями/обстоятельствами соответствующих периодов политической истории.

Ключевые слова: Нобелевская премия, критерии выдвижения и присуждения, социокультурная и геополитическая составляющая.

Поводом к написанию данной статьи послужил отмечаемый в мае 2021 г. столетний юбилей А.Д. Сахарова, выдающегося ученого и борца за мир. Выдвинув вопрос, почему академик Сахаров не мог получить премию за выдающиеся научные достижения, будучи удостоенным Нобелевской премии мира, неизбежно приходится обратиться к особенно актуальному в современной международной обстановке вопросу о социокультурной составляющей как выдвижений на Нобелевскую премию, наиболее престижную награду в области науки, литературы и миротворческой деятельности, так и решений Нобелевского комитета.

Сама эволюция научной и социально-политической деятельности А.Д. Сахарова также может быть понята и объяснена только в контексте событий, происходивших в мире.

Известно, что, хотя А.Д. Сахаров внес огромный вклад с теоретическую физику, в том числе в области практического использования своих результатов (одно из обязательных условий А. Нобеля), ни тогда, ни в последующие годы Нобелевскую премию он никак получить не мог. Отложив на длительное время работу над проектом «Токамак» по созданию управляемой термоядерной реакции как источника безопасной и практически неисчерпаемой энергии, ученый был мобилизован на создание водородной бомбы как средства не просто защиты, но и «принуждения к миру». Будучи глубоко засекреченным, как и И. Курчатов, С. Королев и многие другие наши выдающиеся умы, он, конечно, не мог публиковать свои научные исследования ни в процессе, а тем более после создания столь чудовищного оружия. Для сравнения, когда после полета Ю. Гагарина Н.С. Хрущева спросили, кого за этот полет представить к Нобелевской премии, тот ответил: «Весь советский народ». В этом была не только дань признательности тем, кто прямо или косвенно способствовал этому выдающемуся достижению, но и вполне уместные конспирологические соображения. Лишь многие годы спустя Сахаров, как и Я. Зельдович, тесно сотрудничавший с ним в создании бомбы,

смогли вернуться к науке, хотя Сахаров остался в истории как «отец водородной бомбы».

И по сей день можно столкнуться с противоречивой оценкой его социально-политической эволюции, но не этот вопрос является приоритетным в статье. Ограничимся здесь выражением убежденности в том, что и участие в создании смертоносного оружия и последующая борьба за мир были вызваны эволюцией от долга перед своей страной к долгу перед всем человечеством, когда даже ядерный паритет не стал гарантией мира. Насколько наивно в свете этого выглядит утверждение Альфреда Нобеля, что главное его изобретение, динамит, помимо практического использования в строительстве, является еще, что гораздо важнее, гарантией того, что в мире больше не будет войн! Андрею Сахарову, безусловно, было известно о безуспешном призыве Альберта Эйнштейна к ученым всего мира объявить мораторий на исследования в области ядерной физики вообще, когда тот осознал перспективы их военного использования. Какие-то ученые исходили из своих представлений о патриотизме, как, например, один из создателей квантовой механики немец В. Гейзенберг (после войны он подвергся обструкции своих коллег по всему миру), других принудили (к чести многих немецких физиков, они фактически саботировали создание атомной бомбы). Наконец, не следует забывать, что ученый – это Фауст, готовый на все ради удовлетворения своей любознательности. Вот почему тот же Сахаров мог даже провести расчеты, где и как следует осуществить ядерный взрыв, чтобы нанести наибольший урон Америке, утверждая при этом, что это не более чем «игра ума», *Kunststuck*. В 1961 г. было проведено испытание мощнейшей в мире «Царь-бомбы» («Кузькиной матери»), а вскоре после этого произошел Карибский кризис, поставивший весь мир на грань уничтожения, и вот тогда уже нельзя было остановить Сахарова – борца за мир. Его статья «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968 г.), призывающая к гласности, разоблачению культа личности, отстаивающая права и достоинство человека, нравственные преимущества социализма, а также возможность сближения социализма и капитализма, разошлась по всему миру тиражами, превосходящими романы Агаты Кристи и Жоржа Сименона. Он стал учредителем Комитета прав человека, с 1970 года начав активную правозащитную деятельность, а в 1975 году ему была присуждена Нобелевская премия мира, неоднозначно воспринятая в СССР. Особенное раздражение, как в случае с Б. Пастернаком и А. Солженицыным, она вызвала у властей. Ему не разрешили выехать за ее получением за границу – как носителю секретной информации, а у себя начали травлю, был поставлен даже вопрос о лишении А.Д. Сахарова звания академика. Ситуацию разрешил академик П. Капица, Нобелевский лауреат по физике, напомнивший, что подобного не смог добиться даже Гитлер (в отношении Альберта Эйнштейна). После введения советских войск в Афганистан А. Сахаров был арестован прямо на улице и сослан в г. Горький, откуда в 1986 году его вернул М. Горбачев, который, однако, тоже не стерпел его разоблачительного выступления на Всесоюзном съезде.

Закончив этот пассаж как своеобразную дань памяти великого человека, считаем возможным перейти к главному предмету данной статьи, роли социально-культурных, а в последнее время – вполне отчетливо – геополитических факторов как в присуждении, так и в неприсуждении Нобелевских премий, и не только за науку, но и в области литературы, а также борьбы за мир.

Как учил древнегреческий мудрец Протагор, «человек есть мера всех вещей, существующих – в том, что они существуют, и не существующих – в том, что они не существуют». Перефразируя, очевидно, что человеческий фактор, в самых различных проявлениях, является весьма определяющим в решениях по любым премиям. Беря отправной точкой крайне огорчительное и даже унижительное количество отечественных нобелевских лауреатов, мы представим свои соображения по этому поводу. Что касается науки, недоумение (по крайней мере), обосновываемое вполне объективными

(прежде всего, наукометрическими) факторами, выражено в целом ряде обстоятельных исследований [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7], которые, однако, вплоть до 2014 года да и позже никоим образом не выходили за рамки политкорректности. Между тем вопросы остаются во всех областях, начиная буквально с первых лет премии (1901 год, согласно тщательно прописанному завещанию ее учредителя).

Помимо широко известных «счастливых случаев» в истории науки (полулегендарная ванна Архимеда, яблоко Ньютона, сны Кекуле и Менделеева и т.д.), имело место не меньшее количество столь же примечательных и поучительных «несчастливых случаев», когда сам ученый или изобретатель прошел мимо своего открытия, не осознав / не оценив его [8]. Иного рода несчастье постигло созданную в 1867 году Периодическую систему Дмитрия Ивановича Менделеева, которая составляет одно из наиболее выдающихся достижений в истории науки. Многие открытия дожидаются Нобелевского признания десятки лет, и мог ее дождаться также великий русский ученый, доживший до 1907 года. Не менее характерно, что первая Нобелевская премия по литературе была вручена не великому русскому писателю Льву Толстому, а представителю модного тогда символизма французскому поэту Сюлли-Прюдому, о котором не всякий литературовед вспомнит. Можно признать, что в случае с изобретателем радио А. Поповым виновато не пренебрежение и неприязнь к России, хорошо знакомые нам сейчас («Слабые боятся, сильные ненавидят», сказала еще немка Екатерина Великая, русская Императрица), а русский характер (он отказался запатентовать свое изобретение, «предназначенное всему человечеству»), но в отношении Л. Толстого, Д. Менделеева и многих других достойнейших персон таким объяснением не обойтись.

Фридрих Энгельс в широко известном труде «Диалектика природы», созданном в 1875-1882 гг., т.е. значительно позже «Периодической системы», даже не вспомнил о ней, перечисляя «Три великих открытия XIX века» (Закон сохранения энергии, открытие клетки и теорию Дарвина). Было подчеркнуто и мировоззренчески-философское значение этих трех открытий, убеждающих в материальном единстве мира и глубине диалектических взаимосвязей в природе. Не меньше оснований то же самое сказать о системе Менделеева, обладавшей при этом безусловным практическим применением. В советское время не положено было упоминать о весьма неприязненном и высокомерном отношении классика марксизма-ленинизма к России, характерном для многих представителей культурного и политического бомонда Европы и Америки.

В условиях присуждения премии, прописанных в завещании Альфреда Нобеля, выделяются в одинаковой степени научная значимость и практическая применимость (вот почему Альберту Эйнштейну не могли ее присудить за теорию относительности, а выход нашли в обращении к его исследованиям фотоэффекта, никак не сравнимым с фундаментальностью релятивистской теории). Было подчеркнуто также, что не имеет никакого значения национальность или гражданство претендента.

Научное значение, как и практическая применимость системы Менделеева, стали очевидны научному миру сразу после ее создания, и он за шесть лет, отпущенных ему после учреждения премии, трижды (!) номинировался на нее. В числе влиятельных лиц, воспрепятствовавших Менделееву, упоминается и сам Нобель, имевший значительные интересы на бакинских нефтяных промыслах и, несомненно, знавший об отношении русского ученого к бездумному сжиганию «черного золота», сравнивавшего это с «отоплением печки ассигнациями». К тому же Европа всего через несколько лет начавшая Первую мировую войну, обвинила его в национализме. Десятилетиями позже американские коллеги нашего соотечественника Георгия (Джорджа) Гамова, эмигрировавшего в 1934 г. в США, даже признавая его исключительные достижения сразу в двух областях, физике и биологии, «воздержались» от его выдвижения из-за «тяжелого характера» претендента.

Чтобы не оказаться под влиянием субъективной оценки и не допускающих «эмпирической проверки» предположений, уместно обратиться к хронологии Нобелевских

премий и отмеченных в ней представителей России, а впоследствии – Советского Союза. В период с 1901 г., учреждения премии, до 1914 г., начала Первой мировой войны, Нобелевскую премию в области науки получили два представителя России – результат достаточно удовлетворительный и на тот момент многообещающий. Это И.П. Павлов (1904 г.) и И.И. Мечников (1908 г.), оба в номинации «физиология и медицина». Безусловно, заслуживает упоминания и тот факт, что к тому времени лауреатами премии в области науки стали уроженцы Российской Империи Мария Склодовская-Кюри (дважды – физика и химия), родившаяся в Варшаве, и Вильгельм Оствальд (химия), родившийся в Риге, входившей тогда в Лифляндскую губернию России. Значительное количество уроженцев дореволюционной России удостоилось Нобелевской премии уже после войны и революции 1917 г., эмигрировав до и после этих событий.

Мировая война, российские революции и последовавшие за ними гражданская война и разруха на долгие годы задержали развитие науки теперь уже в СССР, при этом значительно снизив шансы на вхождение в Нобелевский пантеон отечественных ученых даже за вполне достойные премии достижения. Первым советским лауреатом лишь в 1956 г. стал химик Н.Н. Семенов.

В какой-то степени развитию науки в первые годы советской власти способствовало то, что ряд выдающихся ученых, в том числе П.Л. Капица, получил возможность стажироваться в Европе (П. Капица – в Великобритании). Надолго остался в Германии один из основателей генетики Н. Тимофеев-Ресовский, «Зубр», как его называли коллеги и автор романа о нем Даниил Гранин. В случае с «Зубром» решающую роль сыграло вовсе не отсутствие патриотизма, а оснащенность лаборатории, где он работал, и коллектив его единомышленников. Возвращению препятствовало и то, что генетика в СССР была объявлена буржуазной лженаукой, в чем огромную роль сыграл сумевший пробиться к И. Сталину мракобес Т. Лысенко. Отрицая роль генетических факторов и стопроцентно полагаясь на «социалистическое воспитание», он выразил свою позицию таким образом: «Дайте женщину, которая родит ребенка, а мы из него сделаем советского человека».

Со дня учреждения и до 2018 г. Нобелевская премия (в совокупности по всем номинациям) вручалась, согласно официальным документам Нобелевского комитета, 590 раз, а общее количество лауреатов составило 908 (согласно воле А. Нобеля, премия могла быть разделена на двоих или троих номинантов). В период до Второй мировой войны лидерами были Германия, Великобритания, Франция, затем стремительный рост стали набирать США, ставшие безоговорочным лидером. По данным на 2010 год, у США 326 Нобелей, у Великобритании – 115, у Германии – 102, у Франции – 57. 21 гражданин России и СССР имеют в общей сложности 17 премий. Кроме того, Нобелевскую премию по литературе получили за произведения, написанные на русском языке, эмигрировавший во Францию и на тот момент не имевший никакого гражданства Иван Бунин, а также лишённые советского гражданства Александр Солженицын и Иосиф Бродский, и бывшая советская гражданка, представительница Республики Беларусь Светлана Алексеевич (2015 г.).

О лауреатах Нобелевской премии по литературе и премии за мир речь пойдет позже, пока же сосредоточимся на науке. Больше всего советских лауреатов – по физике. В 2010 г. премию по физике разделили гражданин РФ К. Новоселов и родившийся в СССР и имевший на тот момент гражданство Нидерландов А. Гейн. Последний имеет также так называемую Шнобелевскую премию, вручаемую в обстановке клоунады за «самые бессмысленные» исследования. Лауреатов и Нобелевской, и Шнобелевской премии в одном лице довольно много, что заставляет задуматься – так, вполне полезным оказалось исследование «почему не болит голова у дятла», позволившее внедрить пористую структуру, присущую мозгу этой птицы, в строительную индустрию.

Возвращаясь к сухой статистике, следует заметить, что по числу Нобелевских премий «на душу населения» первыми оказываются все же не США, а Швейцария и Швеция, учредитель премии. Не делая далеко идущих выводов, лишь констатируем, что в банках Швейцарии, США и Великобритании хранится основной капитал фонда Нобеля. Статистика распределения премий свидетельствует о том, что с 1947 года, после Второй мировой войны, Нобелевских лауреатов дали 43 государства (23 – Европы, 8 – Азии, 4 – Южной Америки, 2 – Северной Америки, естественно, без США, 4 – Африки и 2 – Океании). В мире, уже тогда вступавшем в фазу глобализации, треть послевоенных лауреатов оказались таковыми, эмигрировав и проводя свои исследования в более благоприятствующих им государствах. Больше всего ученых-мигрантов приняли США и Великобритания, значительный прогресс пришелся на долю Израиля, благодаря успешной иммиграционной политике. В этот же период Россия потеряла семь своих ученых, ставших лауреатами за исследования, проведенные уже за ее пределами [9].

Рассматривая Нобелевские премии как счастливое сочетание продуктивных ученых и факторов, способствующих тому, что их работы были замечены и оценены международным сообществом, мы, даже не ставя такой цели, все же прокладываем мостик к учету социокультурной составляющей как состоявшихся, так и не состоявшихся премий.

Кандидат на премию может быть выдвинут учеными не только из страны претендента, но и зарубежными специалистами, достаточно хорошо знакомыми с его исследованиями и высоко их оценившими. К наиболее объективным наукометрическим факторам оценки было предложено считать количество цитирований в научных изданиях. Здесь ученые из России, в силу ряда причин, сколь объективных, столь и субъективных, занимают невыгодную позицию – чтобы быть замеченными, надо публиковаться на английском языке, из какой страны бы ни был ученый. Отчасти выручает обязательное наличие в российских журналах аннотации на английском языке. Особенно сложно в этом плане ученым-гуманитариям, которым необходимо владеть английским как вторым родным. Приходится видеть, что это порождает у многих из них своеобразные комплексы. Запомнилась ситуация на крупнейшем международном конгрессе, когда одна из наиболее многочисленных секций разделилась на две подсекции в некотором смысле спонтанным образом – участники из России сгруппировались в одну подсекцию, создав своего рода добровольную резервацию. Между тем уровень докладов на этой «выездной секции» отечественных гуманитариев был настолько высок, что и годы спустя приходится вспоминать об этом с досадой и обидой за самих себя. Хотя гуманитарные науки не входят в Нобелевский список, это не отменяет сказанного выше.

И в советское, и в постсоветское время отечественные ученые крайне ограничены в возможностях участия в зарубежных конференциях, где в наибольшей степени можно показаться мировому сообществу, завязать полезные не только научные, но и вполне деловые практически полезные связи, заручиться поддержкой коллег. Ученые старшего поколения помнят крайне обидное выражение «совет брейк» – на конференциях приходилось объявлять перерыв на время выступления не прибывшего советского участника (чтобы не выбиваться из объявленного в программе графика). Нередко наш участник лишь в последний момент узнавал о своем неучастии, скажем, из-за «внезапной болезни», от наших «компетентных органов», решивших перестраховаться от возможного невозвращения. Сейчас, когда подобных барьеров практически не существует, сложности создает крайне низкое финансирование нашей науки, включая даже возможные гранты.

Важное значение имеет способность выбивать право на проведение крупных международных конгрессов, здесь ситуация сравнима со спортивными соревнованиями, когда учитываются не только и часто даже не столько заслуги данной страны, сколько ее финансовые возможности, поддержка властей, когда и «на входе», и «на выходе» речь

идет о международном престиже государства, ее имидже, что лишний раз свидетельствует о «мягкой силе» культуры.

В качестве примера можно привести доводы Турции в пользу состоявшегося в 2003 г. в Стамбуле Всемирного философского конгресса. Не имея всемирно известных философов, турецкая делегация обосновала свою заявку, предложенную в 1998 г. в Бостоне, необходимостью проведения конгресса впервые в Азии. Следующий после Стамбула конгресс был отдан Республике Корея, чьи делегаты апеллировали тем фактом, что тот конгресс состоялся в европейской части Стамбула.

Политические соображения сыграли определяющую роль в выборе Москвы для конгресса 1993 г. по предложению находившегося в момент принятия решения у власти и имевшего значительный авторитет за рубежом М.С. Горбачева. Правда, в хаосе 1993 г. конгресс чуть было не сорвался, что послужило неприятным уроком, давшим пищу западной идеологии, настаивавшей на том, что наука не может развиваться без помех в таких странах, как Россия.

Возвращаясь к индексу цитирования, стоит заметить, что только в России ему придается первостепенное значение, толкая недобросовестных ученых на уловки вроде взаимного цитирования («баш на баш»). Между тем во всем мире он имеет статус «одного из». При этом Э. Гарфилд, предложивший этот индекс, известен в первую очередь не своими научными результатами, а этим предложением.

В так называемой соционаукометрической модели на основе статистических данных констатируется, что чем больше нобелевских лауреатов у той или иной страны, тем больше тезисов на выдвижение ее представителя и получения премии [9]. Конечно, шансы зависят и от общего количества ученых в данной стране. Этот показатель в равной мере можно отнести к социоэкономической модели, где первостепенное значение имеет размер инвестиций в науку, который находится практически в прямой корреляции с количеством не только полученных, но и ожидаемых Нобелей. То же самое относится к благополучию страны, включая не только ВВП на душу населения, но и общую продолжительность и качество жизни, отсутствие конфликтов внутри страны и в отношениях с другими государствами, здравоохранение, досуговые возможности – факторы, от которых зависят возможности спокойной научной деятельности. Переезд ученых в более благополучные страны решает не только личные материальные и финансовые проблемы, но и создает при этом лучшие условия для исследований, повышаются и шансы быть замеченными в мировом научном сообществе.

Хотя статистические данные не могут считаться научно обоснованной доказательной базой, тем более в сфере общественных явлений, подсчитана вероятность получения Нобеля учеными США – в области физики 46%, химии – 48%, медицине – 51%, а более всего – 69%, в экономике. Если в год составления прогноза США не получит премию по экономике, то в следующем году ее шансы поднимутся до 60-80%, а если и тогда этого не произойдет, то еще через год она составляет 80-100% [10]. Поскольку премия может быть разделена на двоих-троих претендентов, шансы значительно возрастают у ученых, имевших совместные работы и публикации с американцами (англичанами, немцами и т.д.).

Любопытные тенденции просматриваются и в практике выдвижения номинантов. Казалось, хотя бы в целях улучшения крайне неблагоприятной и несправедливой для России статистики, российские ученые должны по возможности чаще выдвигать своих соотечественников, что, однако, не так часто происходит, причины чего требуют отдельного обсуждения.

Таким образом, приходится признать наличие двойных стандартов и некоего замкнутого круга в отношении России, а тем более «стран-изгоев» вроде Ирана, который предлагает учредить своеобразный аналог Нобелевской премии для мусульманских стран.

Позволим себе прогноз и мы, не обращаясь ни к какой нумерологии. Приводится много убедительных доводов, в том числе со стороны Президента Академии наук РФ А. Сергеева, в пользу представления к Нобелевской премии российских ученых, разработавших первыми в мире вакцину от коронавируса. Россия имеет право на такое выдвижение и наверняка им воспользуется. Можно, однако, с большой уверенностью (“highly likely”) предсказать, что премия России не достанется, иначе это бы означало признание ее приоритета после стольких попыток других государств безусловно политического и экономического характера поставить под сомнение это достижение.

В значительно большей степени от социокультурных, особенно политических факторов, зависит оценка литературных произведений и миротворческой деятельности. В той или иной степени, хотя и в различной форме, это можно видеть и на несправедливо узком Нобелевском списке русских (и русскоязычных) писателей. Первый наш лауреат, Иван Бунин, получил премию в 1933 г. уже в преклонном возрасте, в эмиграции, как лицо без гражданства. Следующим лауреатом в 1958 г. стал Борис Пастернак, в 1965 г. – Михаил Шолохов, в 1967 г. – Иосиф Бродский, проживавший тогда в США, в 1970 г. – Александр Солженицын, изгнанный из СССР. Последний смог получить премию лишь в 1975 г., а Б. Пастернака, издавшего роман «Доктор Живаго» тайно в Италии, советские власти вынудили отказаться от премии (ее значительно позже принял сын) и подвергли травле. При всем разнообразии довольно размытых формулировок Нобелевского комитета всех указанных писателей объединяет то, что они представлялись или «жертвами режима», или борцами с ним, или, по крайней мере, его разоблачителями. Сказанное можно отнести даже к М. Шолохову, который в «Тихом Доне» показал без прикрас ужасы гражданской войны в России, зверства с обеих сторон.

По политическим критериям, судя по всему, оценивалась и Светлана Алексиевич, известная в советское время документальным очерком «У войны не женское лицо», которая получила премию уже в 2015 г., будучи активистом Белорусской оппозиции, написав на русском языке произведения с крайне негативным отношением к России и даже сочтя допустимым временный запрет русского языка в суверенной Беларуси. Отчетливый геополитический подтекст прослеживается и в Нобелевских премиях писателей из бывших социалистических стран.

Такой же контекст достаточно очевиден и в присуждениях Нобелевских премий мира, как в случае с А.Д. Сахаровым (о чем достаточно написано выше), так и с М. Горбачевым, человеком, сыгравшим, пусть и не желая того, безусловную роль в распаде Советского Союза и всей «социалистической системы». Всеобщее недоумение и даже ехидные комментарии вызвало, даже в Америке, награждение Нобелевской премией, по существу, авансом первого темнокожего президента США Барака Обамы.

В качестве краткого заключения к нашей статье можно констатировать, что Нобелевские премии – в науке, литературе, борьбе за мир являются результатом сочетания многочисленных факторов сложно структурированной системы, в которой значительное место занимают как «внешняя», так и «внутренняя» социальность. Оставаясь наивысшей и наиболее престижной наградой за достижения в указанных областях, в нашем расколотом мире они все меньше способствуют своему предназначению объединять жителей Земли, сделав их достижения общим достоянием.

Литература

1. Бичурин М. Человек-невидимка. Почему российским ученым не часто присуждают Нобелевскую премию? Новгородские ведомости. URL: <https://novvedomosti.ru/articles/society/8034/>
2. Дмитрук М. Премия раздора. Гудок. 13 октября, 2004. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=764262>

3. Кулакова Т. Альфред Нобель наших не балует. Весть. 2011. URL: <http://www.vest-news.ru/article.php?id=20443>
4. Лукашов М. Новосибирский ученый: «Россия получила незаслуженно мало Нобелевских премий!» // Комсомольская правда в Новосибирске. 2013. URL: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/1559460/>
5. Миронин С. Почему русским ученым не дают нобелевские премии. URL: <http://www.contrtv.ru/common/2061/> (дата обращения: 02.03.2014).
6. Образцов П. Элементарно, Нобель! Известия. 2007. URL: <https://izvestia.ru/news/329884>
7. Тютюнник В.М. Лауреаты нобелевских премий: наукометрические исследования // Фундаментальные исследования. 2008. № 5. С. 10-13.
8. Торосян В.Г. Счастливые и несчастливые случайности в истории науки // Торосян В.Г. История и философия науки. М.: Владос, 2015. 368 с.
9. Никифорова И., Вейхер А. Претендентство на Нобелевскую премию: Анализ Нобелевских премий в области науки. URL: <https://pandia.ru/text/79/538/53414.php>
10. Ritter K. NobelPrize: The Art And Science of Guessing a Winner. Huffington Post. 2012, May 10.
11. Garfield E. Random Thoughts on Citationology. *Scientometrics*. 1998. Vol. 43(1). P. 69-76.
12. Kirtchik O.I., Gingras Y., Lariviere V. Changes in publication languages and citation practices and their effect on the scientific impact of Russian science (1993-2010) // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2012. Vol. 63. No. 7.

Russia's Representation in the Nobel Pantheon: the Sociocultural Component of the Prizes Held and Failed

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2021, 2 (81), 7-15.
DOI: 10.24412/2070-075X-2021-2-7-15

Vardan G. Torosyan, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation).
E-mail: torosyan5@mail.ru

Natalya K. Tyma, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: stanislavskayan@inbox.ru

Keywords: Nobel Prize, nomination and award criteria, sociocultural and geopolitical components.

During the one hundred-and-twenty years of the Nobel Prize, it remains the highest recognition of achievements in science, literature and peacekeeping. In connection with the special position of Russia in the modern world, an analysis of its representation in the “pantheon” of the winners is highly relevant. The chronology of the Nobel Prizes served as empirical material, in which the authors reveal the ever-increasing sociocultural, including geopolitical, component in the fate of the prizes that have and have not been awarded. In a whole series of domestic studies, an inevitable question was why so surprisingly and insultingly few Nobel Prizes went to the representatives of Russia (in all three fields), but most often authors refer to the so-called scientometric factors, and, in assessing political factors, they do not go beyond the globally dominant hypertrophied political correctness. Celebrated in May 2021, the centenary of the birth of A.D. Sakharov gave a reason to start the article with the figure of this outstanding scientist and human rights activist, and with an analysis of the evolution of his civic position from duty to his country to duty to humanity, his forced secrecy as a scientist, and recognition as a citizen of the world. The article, however, draws attention to the fact that from the very first years of the award, such outstanding scientists as D.I. Mendeleev, who was nominated three times and rejected by Nobel himself (Nobel had significant interests in the Baku oil fields and certainly knew about Mendeleev's extremely negative attitude to the thoughtless use of oil as fuel). Mendeleev was also accused of nationalism. Before 1914, two representatives of Russia received the

Nobel Prize in science; and in the Soviet period the first award went to Russia's scientist only in 1956. Subsequently, all other things being equal, the prize was invariably awarded to foreign scientists: cooperation with them, including co-authored publications in English, was attractive. Undoubtedly, the state of culture in the country primarily depends on its funding, the overall quality of life, and the number of held and predicted awards in science directly depends on the number of scientists. As noted in the article, this does not justify the blind submission of our scientists to such rather conventional criteria as citation and, even more so, insufficient activity at international congresses and efforts to invite them to Russia. Attention is also drawn to the fact that even L. Tolstoy did not receive the Nobel Prize, and, in the decisions of the Nobel Committee, five of our undoubtedly deserved winners were united by the fact that they could look like “victims of the regime”, fighters against it, or at least expositors. The sociocultural, or, bluntly, political, background of the Nobel Peace Prizes is equally clearly traced. Thus, at the moment, the Nobel Prizes, designed to unite people and make culture a common heritage of humanity, rather split it.

References

1. Bichurin, M. (n.d.) Chelovek-nevidimka. Pochemu rossiyskim uchenym ne chasto prisuzhdayut Nobelevskuyu premiyu? [The Invisible Man. Why Are Russian Scientists Not Often Awarded the Nobel Prize?]. *Novgorodskie vedomosti*. [Online] Available from: <https://novvedomosti.ru/articles/society/8034/>.
2. Dmitruk, M. (2004) Premiya razdora [The Prize of Discord]. *Gudok*. 13 October 2004. [Online] Available from: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=764262>.
3. Kulakova, T. (2011) Al'fred Nobel' nashikh ne baluet [Alfred Nobel Does Not Spoil Our People]. *Vest'*. [Online] Available from: <http://www.vest-news.ru/article.php?id=20443>.
4. Lukashov, M. (2013) Novosibirskiy uchenyy: “Rossiya poluchila nezasluzhenno malo Nobelevskikh premiy!” [Novosibirsk Scientist: “Russia Received Undeservedly Few Nobel Prizes!”]. *Komsomol'skaya pravda v Novosibirske*. [Online] Available from: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/1559460/>.
5. Mironin, S. (n.d.) Pochemu russkim uchenym ne dayut nobelevskie premii [Why Russian Scientists Are Not Given Nobel Prizes]. [Online] Available from: <http://www.contrtv.ru/common/2061/> (Accessed: 02.03.2014).
6. Obraztsov, P. (2007) Elementarno, Nobel'! [Elementary, Nobel!]. *Izvestiya*. [Online] Available from: <https://izvestia.ru/news/329884>.
7. Tyutyunnik, V.M. (2008) Nobelevskie Laureaty: Naukometricheskie issledovaniya [Nobel Prize Winners: Scientometric Research]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 5. pp. 10–13.
8. Torosyan, V.G. (2015) *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of Science]. Moscow: Vlados.
9. Nikiforova, I. & Veykher, A. (n.d.) Pretendentsvo na Nobelevskuyu premiyu: Analiz Nobelevskikh premiy v oblasti nauki [Nobel Prize Nominations: Analysis of Nobel Prizes in Science]. [Online] Available from: <https://pandia.ru/text/79/538/53414.php>.
10. Ritter, K. (2012) Nobel Prize: The Art And Science of Guessing a Winner. *Huffington Post*. May 10.
11. Garfield, E. (1998) Random Thoughts on Citationology. *Scientometrics*. 1 (43). pp. 69–76.
12. Kirtchik, O.I., Gingras, Y. & Lariviere, V. (2012) Changes in publication languages and citation practices and their effect on the scientific impact of Russian science (1993–2010). *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 7 (63).

